

Статья посвящена выявлению места купечества в социальной структуре российского общества в XVIII – начале XX века, взаимоотношениям городской «верхушки» с представителями других социальных слоев общества. Надежным индикатором этих социальных процессов являются семейные связи, в разные периоды времени устанавливавшиеся на основе как внутри-, так и внешнесословных отношений. Выбор спутника жизни показывает относительную открытость купеческого сословия в период его формирования на основе петровского, а позже екатерининского законодательства, постепенное «замыкание» на себе в первой половине XIX века, и «размывание» сословных границ к началу XX века, что характеризует начало складывания капиталистического общества, основанного на классовом, а не сословном принципе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : купечество; социальное положение; социальная мобильность; семейные связи; Ярославль.

This article aims to reveal the place of merchants in the social structure of the Russian society in the XVIII – early XX centuries, the relationship of the city «elite» with the representatives of other social groups. A reliable indicator of these social processes are family ties that were based on both within- and outward estate relations in different periods of time. The choice of a life partner shows how the relative openness of the merchants in the period of its formation on the basis of Peter's I, and, later, Catherine's II laws, the gradual "locking" in the first half of the XIX century, and the gradual "unlocking" of estate boundaries by the beginning of the XX century, thus characterizing formation of the capitalist society based on class, not on social estates.

К e y w o r d s : merchant class; social status; social mobility; family ties; Yaroslavl.

Н. В. Обнорская

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: obnor1@mail.ru

Семейные связи купечества в XVIII – начале XX века (по материалам Ярославской губернии)

Научная статья

N. V. Obnorskaya

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: obnor1@mail.ru

Merchant's Ties Across XVIII – early XX Centuries (according to the materials of the Yaroslavl province)

Scientific article

*«Гляди семью, откуда берешь жену»
Русская пословица [1, с. 227]*

Петровские реформы положили начало кардинальным изменениям в социальной структуре и экономической жизни российского общества. Но лишь в правление Екатерины II попытка перенести на русскую почву западноевропейскую сословную структуру приобрела относительную завершенность. Новые общественные отношения, насаждаемая «сверху» «европейскость» затронули первоначально немногочисленный слой наиболее привилегированного, приближенного к власти казенными подрядами купечества – владельцев крупных мануфактур с подневольным трудом.

© Обнорская Н. В., 2015

К началу XX века ситуация существенно изменилась. Россия превратилась в государство с преобладанием капиталистической формы производства, по крайней мере в промышленности. Сословия, хотя формально и сохранились, но превратились, скорее, в дань традиции, уступая место социальной структуре, близкой к обществу Запада [2, с. 112–113]. Ядром складывавшейся буржуазии стало купечество.

Купечество как социальная общность не разлагалось, подобно дворянству. Несомненно, социальные процессы внутри данной группы не могли не происходить. Но, в отличие от дворянства, изначальная

незавершенность формирования купечества как сословия (в историографии до сих пор нет единого мнения, считать ли купечество отдельным сословием или верхней стратой «городского сословия») способствовала сохранению купечества как социальной страты при смене его персонального состава. Не все представители городской «верхушки» смогли приспособиться к меняющимся условиям и, следовательно, сохранить свое место в купечестве.

На протяжении XVIII – начала XX веков менялась и роль купечества в российском обществе, что не могло не сказаться на восприятии им собственного места в социальной структуре Российского государства.

Одним из важных внешних проявлений изменения места купечества в структуре российского общества и осознания им своей социальной роли был выбор спутников жизни. Семейные связи могли выступать маркером социальной идентичности (осознания представителями – в данном случае купечества – принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям, а также места этих общностей на социальной шкале) в разное время изучаемого периода. Рассмотрим это положение на примере купечества одного из наиболее развитых городов центра России – Ярославля – за период XVIII – начала XX века.

XVIII век в истории России стал веком начала раскола русского общества на два лагеря: «барина» и «мужика», как называл их Владимир Рябушинский [3, с. 120]. Дворяне и чиновники, с одной стороны, и крестьяне – с другой были двумя полюсами системы. Купцы в подавляющем большинстве в XVIII веке относились к категории «мужиков» и были вполне удовлетворены своим положением. В среде богатейшего купечества, чаще всего у «указных» мануфактуристов, связанных с государственными структурами участием в казенных подрядах и поставках, владельцев большого числа мастеровых и крепостных крестьян соблазн «барской» культуры был велик. Представители этой категории купцов старались (и часто успешно) добиться дворянского титула («одворянивание»), роднились с дворянами; по своему образу жизни, стилю одежды они уже сильно отличались от основной массы купечества. Продолжая формально значиться купцами, «мануфактуристы» во многих документах уже не идентифицировались с купеческой верхушкой, а составляли как бы особый слой, чему способствовали и привилегии, дававшиеся государством.

Примером таких мануфактуристов могут служить ярославцы Затрапезновы. Приписанные

в состав ярославского посада из торговых крестьян Спасского монастыря в середине XVII века, уже через несколько лет они оказались в гостинной сотне [4, с. 326]. В XVIII веке в духе новых веяний Затрапезновы основывают в Ярославле полотняную мануфактуру и ряд сопутствующих производств, влившись в категорию «мануфактуристов». И. М. Затрапезнов, получивший к концу жизни дворянство, через своих дочерей породнился с князьями Вяземскими, Измайловыми и Аничковыми и крупным московским купцом-мануфактуристом Д. Я. Земским (сын последней пары был женат на дочери горнозаводчика П. А. Демидова) [5–6]. Похожая ситуация была и в семье племянника И. М. Затрапезного Ивана Дмитриевича: две его дочери вышли замуж за мануфактуристов (оба – не ярославцы), две – за дворян (кстати, шестеро из восьми сыновей И. Д. Затрапезнова записались в военную службу, т. е. выбрали типичный для дворян того времени род деятельности) [7–10].

В том же XVIII веке простые горожане (купцы и мещане) искали жен, а дочерям – мужей в своей же среде, соблюдая коммерческий интерес и престиж. В качестве «вторых половинок» чаще всего выбирались посадские, нередко встречаются браки с крестьянами (особенно из пригородных деревень), ямщиками, мелкими чиновниками, работниками мануфактур. Браки с иногородними заключались редко.

Дифференциация по имущественному и социальному признакам в среде горожан в конце XVIII века была достаточно сильной, что отразилось на брачных связях. Торговцы и заводчики, составлявшие высшие слои купечества (но ниже мануфактуристов), предпочитали родниться друг с другом, нежели с представителями более бедных семей. К тому же в этот период прослеживается тенденция к завязыванию родственных связей и с учетом профессиональной деятельности семей потенциальных брачных партнеров. Так, достаточно «тугой узел» брачных связей сложился в среде ярославских кожевников (Викулины, Протасовы, угличанин Попов и др.) [11–17]. Подобное же можно проследить и среди ярославских купцов – изготовителей колоколов и медных изделий (Мартыновы, Крепышевы, Патрикеевы, Чарышниковы). Правда, иногда можно предположить обратный эффект – появление родственных связей способствовало началу предпринимательской деятельности в отрасли, представителем которой являлся новый родственник [18].

Аналоги имели место по всей России. В среде рязанского купечества, по данным И. Г. Кусовой, на конец XVIII века брачные связи завязывались чаще всего с купчиками и мещанками но также достаточно часто купеческими супругами становились крестьянки, дочери служителей церкви, а изредка и представители других сословий и групп населения (дворянки, дочери ямщиков, пахотных солдат и т. д.) [19, с. 111].

В первой половине XIX века окончательно оформленное юридически и стабилизировавшееся в своем положении купечество во многом «замкнулось на себе», что не преминуло отразиться на брачных связях. В этот период у подавляющего числа купцов, происходивших из городских сословий, жены также относились к этой категории. Данное положение наглядно иллюстрируется следующими подсчетами. Из зафиксированных в «Обывательской книге» Ярославля начала 1840-х годов 104 «старожильческих» семей (т. е. ведущих происхождение из местных посадских) 12 включали в себя лишь вдовцов, вдов, их малолетних детей, холостяков, девиц. В четырех случаях сословие жен не было обозначено. В четырех семьях жены «старожилов» происходят из негородских сословий. Все члены остальных 84 семейств (80,8 %) были посадскими по рождению [20].

Между различными группами городского населения не было непреодолимых барьеров (а ряд исследователей считают всех горожан вообще представителями единого сословия), но все же существовала некоторая обособленность, особенно характерная для городов с многочисленным купечеством, каковым был Ярославль. Так, купцы предпочитали брать в жены не мещанских, а купеческих дочек, что, несомненно, в первую очередь было связано с размерами приданого.

Большинство ярославских купеческих семей постепенно оказались в родственных связях друг с другом. Например, к 1842 году среди ярославских купцов звание потомственных почетных граждан получили 5 семей: Пастуховы, Оловянишниковы, Баловы, Сорокины и Соболевы. Лишь последние, позже остальных приписавшиеся в местное купечество, не имели к началу 1840-х годов прочных родственных отношений в ярославской купеческой «верхушке». Что касается четырех других семейств, то здесь налицо как прямые брачные связи (Анна Пастухова и Иван Сорокин, Елизавета Сорокина и Александр Балов), так и отношения свойства (Петр Пастухов и Арсений Оловянишников явля-

лись друг другу свояками, а Авдотья Назаровна Балова была их тещей и т. д.) [20–21].

Но и внутри купечества при выборе супруги существовала градация по гильдиям, причем в начале XIX века обособленность представителей высших гильдий не столь характерна. Это было вызвано меньшей стабильностью состава купеческой «верхушки» и относительно слабой дифференциацией внутри городского общества в этот период. К середине XIX века произошло расслоение не только по гильдиям, но и внутри купеческой «элиты», чему наглядным примером являются брачные связи. Профессиональная обособленность при создании новых семей более не соблюдалась.

Так как к концу первой четверти XIX века уже сложился достаточно тугий «узел» родственных отношений внутри купеческой «элиты» Ярославля, то все чаще ее представители вынуждены были искать себе «ровню» в среде иногороднего купечества. Например, рассмотренные выше ярославские купцы – первые местные потомственные почетные граждане – породнились: Пастуховы – с купцами из Пучежа и Иваново-Вознесенска, Соболевы – с приписанными к Ростову купцами из Гавриловского Посада, Сорокины – с угличским купцами и т. д. [20]. Увеличение количества браков за пределами родного города, в свою очередь, способствовало еще большему обособлению «верхушки», дальнейшему распаду посадской общины и началу складывания буржуазии как класса на общероссийском уровне.

Подобная ситуация была характерна для крупных экономически развитых городов Центральной России, где купечество было многочисленно. В то же время в регионах с более низким уровнем крупной деловой активности, где купечество было относительно малочисленным, большее сословное разнообразие при выборе супругов сохранялось дольше, причем велик был процент браков с представителями крестьянства [22, с. 292–294].

Породнение с дворянами в первой половине XIX века для купеческой «верхушки» было менее характерно, чем в XVIII веке (мануфактуристы либо «одворянились», либо из-за изменения экономической ситуации, разорились). Например, для Ярославля известен лишь один такой случай, достаточно экстраординарный (дворянин Хомутов способствовал записи своей вольноотпущенной крестьянки Левиной в ярославское купечество для дальнейшего оформления с ней официального брака – жена-купчиха более приемлема, чем жена – бывшая крепостная)[20–21; 23–27].

Таким образом, мы видим, что в первой половине XIX века купечество постепенно «замыкается само на себе». Крупное купечество все больше осознает себя как единая социальная группа, противостоящая как высшим сословиям, так и широким массам «податного населения» – крестьянству и мещанству.

Во второй половине XIX века обособление купеческой «верхушки» от основной массы городских жителей еще больше усиливается. Но в рамках складывания классовой структуры общества наблюдается сближение с интеллигенцией и дворянством. Как показатель – браки с дворянами для представителей купеческой элиты перестали быть исключительным явлением. Способствовали этому и изменения образа жизни купечества, появление большего количества возможностей реализовать себя не только в коммерческой, но и в других сферах общественной жизни, повышение уровня образованности. «Оскудение» дворянства также способствовало сближению с владельцами капиталов, и в первую очередь через браки. Еще более характерным явлением, превратившимся во второй половине XIX века практически в правило, было породнение крупных купцов с представителями иногороднего купечества.

Середина XIX — начало XX века были временем консолидации делового мира в общероссийском масштабе. В то время как водораздел между основной массой горожан и купеческой элитой увеличивался, грань между купечеством, дворянством и интеллигенцией, наоборот, стиралась. Представители купеческой «верхушки» уже перестали воспринимать себя частью «городского сословия», что отражалось и на семейных связях, переставших быть исключительно внутрисословными. Возраставшая социальная мобильность российского общества стремительно разрушала костную нединамичную сословную структуру, превращая ее в анахронизм [2]. На смену традиционному сословному делению приходит группировка общественных структур по социальным интересам: начинают складываться классы, что отражается и на самоидентификации купечества. Закон о государственном промысловом налоге 1898 года, отменивший обязательность взятия купеческого свидетельства при занятии коммерцией, позволил многим купцам, например ставшим к тому времени потомственными почетными гражданами, без всякого сожаления распрощаться с купеческим званием, которое для многих из них к этому времени потеряло свою ценность.

Ссылки

1. Русские народные загадки, пословицы, поговорки. М.: Просвещение, 1990. 336 с.
2. Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. 548 с.
3. Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин: Статьи об иконе. М.; Иерусалим, 1994. 240 с.
4. Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. 524 с.
5. Ковальчук А. В. Затрапезновы // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 234.
6. Ковальчук А. В. Земский Д. Я. // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 263.
7. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 122. Л. 45–45 об.
8. ГАЯО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 105. Л. 179–180.
9. ГАЯО. Ф. 100. Оп. 7. Д. 253. Л. 20 об.
10. ГАЯО. Ф. 100. Оп. 8. Д. 460. Л. 123 об.
11. ГАЯО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 122. Л. 105–106.
12. ГАЯО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 105. Л. 427 об.–428, 447 об.–448.
13. ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 1775. Л. 37–38, 47–48.
14. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 520. Л. 87 об.
15. ГАЯО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об.
16. ГАЯО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–10 об.
17. ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. 4198. Л. 28.
18. Обнорская Н. В. Колоколотейное производство в Ярославле в последней четверти XVIII – первой половине XIX века // III Оловянишниковские чтения: (тезисные материалы). Ярославль, 1998.
19. Кусова И. Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. 158 с.
20. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 858.
21. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 429. Л. 68 об., 69, 71 об., Л. 1179.
22. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода): монография. СПб., 2014. 440 с.
23. ГАЯО. Ф. 100. Оп. 8. Д. 1371. Л. 77 об.–78.
24. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 546.
25. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 547. Л. 57.
26. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 658. Л. 30 об.
27. ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 902. Л. 25 об.